DOI: 10.53737/2713-2021.2024.55.37.021

С.А. Яценко

ТАМГИ САРМАТОВ, СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХУНА И ХУННУ*

Рассмотрен единственный в евразийской Степи район, где найдена серия более ранних точных аналогий царских тамгам с монет хуна Средней Азии и Северо-Западного Индостана конца IV — середины VI вв. н.э. Это Европейская Сарматия к западу от устья Дона, и такие находки, за одним исключением, датируются серединой II — серединой III вв. н.э. Они концентрируются в трех зонах — в Центральном Крыму, в районе Ольвии и у устья Дона (рис. 9). В основных городах Боспора они отсутствуют. Анализирутся 7 типов клановых эмблем (рис. 2—8), идентичные образцы которых известны позже у правителей всех 4 групп «иранских гуннов». Сарматские кланы, использовавшие эти тамги, не входили в состав высшей аристократии и не представлены в большинстве мест, где проводились важные акции (от последних остались большие скопления знаков). В связи с полученным результатом кажутся интересными три свидетельства китайских и римских историков об аланах в Центральной Азии и Индостане в гуннское время.

Ключевые слова: тамги, ранние аналогии тамгам царей хуна в Средней Азии и Индостане, Европейская Сарматия II—III вв. н.э., хуна, хунну, аланы.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

TAMGAS OF SARMATIANS, TRANSOXIANA' HŪNĀ AND XIONGNU

The article considers the only area in the Eurasian Steppe where a series of earlier exact analogies of the royal tamgas from the coins of the Hūṇā of Transoxiana and North-Western Hindustan of the late 4th — mid 6th cc. CE were found. This is European Sarmatia to the west of the mouth of the Don and such finds, with one exception, date back to mid. 2nd — mid. 3rd cc. CE. They are concentrated in three zones — in the Central Crimea, in Olbia region and at the mouth of Don (fig. 9). They are absent in the main cities of Bosporus. 7 types of clan emblems are analyzed (figs. 2—8) the identical samples of which are known later for the rulers of all 4 groups of the "Iranian Huns". The Sarmatian clans that used these tamgas were not part of the highest aristocracy and are not represented in most places where important actions were held (large accumulations of signs remained from them). In connection with the obtained result, three evidences of Chinese and Roman historians about the Alans in Central Asia and Hindustan in the Hunnic period seems interesting.

Key words: tamgas, early analogies of the tamgas of the Hūṇā kings in Transoxiana and Hindustan, European Sarmatia of the 2nd — 3rd cc. CE, Hūṇā, Xiongnu, Alans.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. Habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities.

Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities, e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

«Гуннская проблема» очень сложна и имеет много аспектов. Понятно, что с помощью какого-либо одного вида источников (антропологии, нумизматики, анализа древних текстов, региональной погребальной орядности и др.) мы увидим, в лучем случае, лишь малую ее часть. Однако наука сегодня, фактически, находится именно на этом уровне. Неясно, среди

* Статья поступила в номер 12 августа 2024 г.
Принята к печати 27 августа 2024 г.

© С.А. Яценко, 2024.

прочего, *происхождение* основных групп, *называвшихся в целом в Индии на брахми Hūṇā*, оказавшихся в оазисах Средней Азии и скоро захвативших и северо-запад древней Индии (Гандхара, Пенджаб) — *кидаритов*[1], *алхонов, незак и эфталитов* (см., например: Enoki 1969—1970; Litvinsky 1996: 123—173; Kurbanov 2010; Balogh 2020). наводнивших эти территории волнами после середины IV в., а их политическое влияние длилось примерно до 540 г. Власть кидаритов зашаталась, когда шах Пероз захватил столицу Бактрии к 468 г., однако после 475 г. стали активны эфталиты, а около 500 г. в западную Индию вторглись алхоны (см., например: Bakker 2020: XV—XVIII). Получилось так, что мы сегодня куда больше знаем (хотя также поверхностно) о *субкультуре правящих слоев* этих этнических групп; наши сведения о рядовых скотоводах «южных гуннов» ничтожны. Особую роль здесь сыграли монеты, чеканенные завоевателями в Бактрии, на северо-западе Индостана и отчасти в Согде (см., например: Göbl 1967; Ilyasov 2003; Cribb 2010; Errington 2010; Alarm 2016). Важным элементом облика этих монет часто являются фамильные и клановые эмблемы, удостоверительные знаки и маркеры сопричастности к значимым акциям — *тамги (*иран. *нишан)*[2] (Яценко и др. 2019: 18—21). В поисках этнокультурных и иных связей разных групп центральноазиатских хуна были частичные попытки найти этим знакам серию точных и близких аналогов на других территориях (см., прежде всего: Ilyasov 2003; Воронятов 2013), которые, однако, не получили активного продолжения. Некоторые из таких эмблем даже пережили ненадолго арабское завоевание в VIII в., став, возможно, своеобразными эмблемами регионов (Яценко и др. 2019: 323—326).

Отдельный вопрос — *возможная преемственность в использовании таких тамг среднеазиатскими хионами как от монгольских хунну, так и от более западных кочевников Европы*. В последнем случае исследователей отчасти интересовали вероятное копирование части хуннуских тамг сарматами в связи с предполагаемой исключительной сакральной значимостью первых (Богданов 2017: 13) и конкретнее — на территории Южного Казахстана (Воронятов 2013: 56—57). Со своей стороны замечу, что число идентичных знаков для обоих регионов совершенно ничтожно[3], хотя одна из этих тамг — не простая, а царская: она принадлежала правителю Боспора с сарматским именем Иненсимей (234—239) (Давыдова, Миняев 2003: рис. 21: 5; ср.: Яценко 2001: 48—49, рис. 5: 85; 2019: 241—242, рис. 4)[4]. При этом вероятные заимствования рассматривались «в целом» и еще *не анализировались по хронологии, регионам и социальным группам* (коллег, как это популярно среди археологов, интересовали скорее *категории артефактов*).

Некоторые исследователи видят в ряде погребений отдельных некрополей неуловимых для письменных источников потомоков северных хунну начала II — середины IV вв. н.э.[5] в

---

[1] Это наименование часть авторов связывают с правителем Кидарой (寄多羅/Jiduoluo), и, соответственно, не видят в кидаритах этнической группы. Однако в кочевом мире евразийской Степи ближайшие потомки подданных / сторонников сильного правителя действительно иногда образовывали этносы. Характерные примеры для средневековья — узбеки и ногайцы.

[2] Я признателен за помощь коллегам, предоставившим изобразительный материал: А.А. Тишкину (Барнаул), А.Т. Сулайманову (Бишкек) и Дж.Я. Ильясову (Ташкент), за указания на публикации: М.С. Гаджиеву (Махачкала).

[3] Е.С. Богданов приводит в своей статье в качестве идентичных лишь *три простые формы*, бытовавшие у разных народов до недавних пор (Богданов 2017: 13)., а С.В. Воронятов характеризует несколько близких, но *не идентичных*форм (Воронятов 2013: 48—49).

[4] Нас не должно смущать, что на хуннуском поселении Дурены в Забайкалье этот знак был вырезан на гончарном круга ремесленника: ведь мы не знаем, были ли у хунну такие тамги метками мастера (нередко — пленного или иного зависимого человека) или знаком его покровителя.

[5] В самом деле, даже всегда очень интересовавшиеся этногенезом и династийными связями кочевников китайские авторы (добавлю, что в IV—VI вв. половиной Китая правили династии кочевого происхождения) *не упоминают ни о каких хунну (匈奴) и их прямых потомках ни в Средней Азии, ни южнее, ни западнее* ее с 36 г. до н.э. (гибель войска Чжичи на окраинах Кангюя) по 455 г. н.э. (прибытие в столицу Северной Вэй г. Пинчэн, к императору Вэньчэн-ди посольства из страны Сутэ / бывшей *Альньляо* (Яньцай) в низовьях Сырдарьи, где незадолго воцарились именно выходцы из хунну: Шофанбэйчэн, цзюань 31), то есть молчат о них *почти 5 столетий* (Кюнер 1961: 130—131; Яценко и др. 2020: 29, 43).

Южном Казахстане (в центре исторического Кангюя на Средней Сырдарье) (Подушкин 2012); другие стремятся обнаружить их на Южном Урале (на восточной перифериии позднесарматской культуры) (Боталов, Гуцалов 2000)[6]. Письменных источников для уточнения происхождения разных групп среднеазиатских хуна материалов явно недостаточно. Так, Мовсес Хоренаци в связи с событиями второй половины IV в. называет кидаритов «*кушанами*», правящими в Балхе (Ching Chao-jung, Galambos 2020: 154—155). Официальные китайские источники указывают, что эфталиты (Yeda/嚈噠 или Hua/滑）*являлись потомками больших юэчжей* (Вэйшу, 102) (которые в Средней Азии оказались не только в Бактрии, но и были задержаны усунями во II—I вв. до н.э. где-то в районе оз. Балхаш, а также образовали, видимо, часть элиты в Хорезме, Кангюе и Согде: Яценко и др. 2020: 27). Однако, затем им пришлось уйти с границ Китая на север, и там они оказались включены в объединение Gaoju/Gaoche/高车. Позже они мигрировали на запад в Бактрию (как это сделали ранее их предки), и их столица находилась к югу от Амударьи (Балх?) (Суйшу, 83) (Ching Chao-jung, Galambos 2020: 45, 49). Самоназвание и иноназвание этих групп Hūṇā/Hiyon, вероятно, является *псевдо-этнонимом*, т.к. реальных этнически специфичных элементов культуры «имперских» хунну у среднеазиатских и европейских гуннов практически нет[7]: речь идет о приписывании себе происхождения от знаменитых народов или кланов прошлого, что было весьма обычно в мировой истории.

Здесь не место подробно рассматривать разные стороны названных концепций происхождения среднеазиатских хуна. Я коснусь только такого важного источника (в т.ч. по генеалогии знати), как эмблемы-тамги, и надо ясно сказать, что *прямые совпадения корпуса знаков Южного Урала и Кангюя в период I — середины IV вв.* (см., например: Яценко 2001: рис. 6; Яценко и др., 2019: 164, рис. 1; Яценко и др. 2020: рис. 6.2, 6.8) *со знаками хунну отсутствуют*. Не найдем мы точных аналогов им и в памятниках догуннской Бактрии, Согда, Хорезма и северо-западных районов Индостана[8]. Итак, мы сталкиваемся с очевидным парадоксом: *знаков будущей аристократии хуна юга Трансоксианы и более южных регионов нет в предшествующее время ни на этих территориях, ни на более северных землях (где коллеги предполагают формирование культуры будущих гуннов IV—VI вв.), ни на исторической родине хунну к северу от древнего Китая*. Что же касается тамгопользования у гуннов и Восточной Европы, и Центральной Европы (венгерские пушты) в IV—V вв., то оно, несмотря на немалый объем исследований, археологически не выявлено (иными словами об актуализации тамгопользования у этих групп говорить по каким-то причинам не приходится, и сравнительного материала из этого источника мы не получим).

Остается лишь попробовать поискать аналогии тамгам на монетах правителей кидаритов, алхонов, незак и эфталитов *в других регионах Великой Степи*. И такой регион (единственный!) «легко» (после определенной технической работы) обнаруживается. *Именно и только в нем документирована целая серия будущих тамг правителей бактрийских и индийских хуна*, причем она датируется сравнительно незадолго до «явления миру» гуннов в середине IV в. н.э., а зона их бытования довольно компактна. Ниже мы рассмотрим серию подобных примеров. Понятно, что при нынешнем уровне наших знаний часть возникающих при этом вопросов пока останется без ответа.

---

[6] В соседнем Западном Казахстане в предгуннское время (III—IV вв.) оригинальных местых тамг известно крайне мало. Так, на Мангустау, в уникальном портовом городе Каракабак на северо-востоке Каспия, вначале существования оборонительного «вала Байлама» (в III в. н.э.) на плите, вмонитрованной в эту стену, есть серия тамг (Астафьев, Богданов 2023: рис. 1—2). Три из них известны на западе у сарматов, семь остальных оригинальны.

[7] Исключение являются единичные бронзовые котлы особой формы (Боковенко, Засецкая 1993), возможно — реликвии, однако формы посуды в кочевом мире заимствовались довольно часто. Такие элементы воинской субкультуры, как особые пряжки поясов, костяные накладки на лук и штандарты с надувными драконами, весьма рано получили широкое распространение, включая оседлые народы Евразии (в том числе отчасти — в армии Римской империи).

[8] Часть эмблем из *поселений* исторического ядра Кангюя на Средней Сырдарье явно относится к *рядовым* кланам или хозяевам ремесленных мастерских, однако возникшего затруднения это не устраняет.

Обратимся, однако, для начала *к собственно тамгам хунну* времен Империи. О них несколькими авторами написано уже немало, но многие ключевые вопросы остаются нерешенными. Прежде всего, мы не знаем определенно, использовались ли тамги у хунну только знатью (когда и рядовые работники пользовались защитой ее эмблем), как это было, видимо, у сарматов и еще недавно твердо установлено для их потомков — осетин, или они были и у рядовых кланов (помимо более простых зарубок, фигурных вырезов на ушах животных из своих стад и т.п.). Знаки эти часто имеют довольно сложные, трудные для запоминания формы, и это неспроста (знание эмблематики у знати было жизненно необходимо). Высказывалось и весьма экзотическое мнение о происхождении корпуса хуннуских эмблем от … форм китайских иероглифов — сложнейшей письменности мира (Богданов 2017: 11—12)[9]. На каких изделиях в первую чередь наносились тамги хунну? По сравнению с сарматами перечень этих категорий будет очень невелик: это, прежде всего, *скопления* тамг в свобразных наскальных святилищах (Юго-Западная Монголия), где есть и другие фигуративные изображения той эпохи: каньон р. Цаган-гол (рис. 1: 1, 3—6)[10], скала в Яман ус) (рис. 1: 2, 6), на китайских лаковых чашечках из могил знати (на таком сосуде может быть до трех разных тамг) (Воронятов 2013: рис. 1—2; 2018; Эрдэнэ-Очир и др. 2021: 67, 239—240, 288), из «своих» изделий — на гончарном круге ремесленников, обычно, видимо, иноэтничных, и астрагалах (коленных чашечках овцы) для гадания (на них преобладают, однако, простейшие метки явно не тамгового характера, а технические для собственно гадания/игры), в единичных случаях — на оселке или на поясной пряжке (Давыдова 1995: табл. 15: 15, 134: 4, 184: 18; Давыдова, Миняев 2003: табл. 21: 5, 96: 2; Воронятов 2013: рис. 6: 1; Богданов 2017: рис. 4—7). Иными словами, неоднократно тамги хунну из собственных «изделий» наносились лишь на… гадательные кости барана; из продукции чужих мастеров приоритет, разумеется, отдавался различным небольшим сосудам. Размещение тамг на сосудах хунну и сарматов сходно (Воронятов 2013: 48—52), но лишь в той степени, в какой похожи во многом жесткие условия кочевого быта Степи в разные эпохи и обусловленные ими традиции.

Перейдем теперь к материалам того единственного региона, где известна целая серия тамг, идентичных более поздним знакам правителей «иранских гуннов» Трансоксианы и Северо-Западного Индостана. Это — *Сарматия, причем вовсе не азиатская ее часть* к востоку от Дона, как можно было бы ожидать (там ряд коллег ищет зону зарождения новых гуннских группировок), а, напротив — *исключительно Европейская Сарматия к западу от Дона* (рис. 9).

Тамга Т1

Она затем была связана с ранней волной хуна — кидаритами. Так, она представлена на монетах клана Кота Кула (рис. 2: 2), а позже — на монетах правителей Термеза в Бактрии (рис. 2: 3). Однако самый ранний образец этого знака известен в совсем ином регионе Степи — в Центральном Крыму, в склепе № 169 (бывш. № 2) середины II — сердины III вв. сарматского некрополя Нейзац в Центральном Крыму (15 км к востоку от Симферополя) (Ilyasov 2003: 142, pl. II: 7; Яценко 2018: 236) (рис. 2: 1).

[9] Увы, приводимые параллели двух совершенно разных по назначению знаковых систем — китайской иероглифики и хуннуских тамг — обычно не вполне точны, а ситуация, когда бы вся система знаков тамгового типа была бы заимствована из письменности соседей, исследователям по тамгам ни на одном из континентов сегодня не известна (ср., например: Evans Pim, Yatsenko, Perrin 2010). Во многих случаях путаются обычная китайская орнаментика изделий ханского времени и иероглифика.

[10] Знаки ранних кочевников из этого местонахождения петроглифов без должных оснований вначале отнесли к большим юэчжам (Вайнберг, Новгородова 1976: 71), хотя китайские хроники локализуют последних гораздо дальше на юго-восток — на границе Ганьсу и Синьцзяна, недалеко от древнего г. Джаову. В последние годы в Юго-Западной Монголии открыты памятники хунну (мне довелось участвовать в их раскопках), но не погребения, которые можно соотнести с ранними юэчжами. Помимо двух названных пунктов с сериями знаков, в остальных на территории Монголии мы не можем пока достоверно отличить тамги-петроглифы и иные изображениях хунну от дохуннуских, сакского времени. Они давно и плохо опубликованы фрагментами, и пока нет достаточных оснований датировать их на основе стилистики сопровождающих изображений животных и людей.

Тамга Т2

Этот знак позже был связан с эфталитами и с алхонами, он особенно популярен на монетах правителя Тобазани / Гобозико. На реверсе его монет мы подчас видим четыре таких тамги по кругу «на боку», причем ясно, что было допустимо разворачивать знак под разными углами (рис. 3: 2). Ранний прототип этого знака известен один — в погребении 106 грунтового скифо-сарматского могильника Бельбек IV на границе Центрального и Западного Крыма. Это погребение датируется первой половиной III в. н.э. (рис. 3: 1). Тамга представлена на женском «брачном» зеркальце-подвеске одной из попавших сюда сарматок. Разные варианты близких знаков имеются в это время и на других подобных зеркалах из грунтовых некрополей данного района (в том же Бельбеке IV и в Нейзаце) (Яценко 2018: рис. 1: № 11—12; 11: № 5). Крымская тамга имеет в центре кружка точку. Возможно, это технологическая особенность производства зеркала, однако именно такой знак высечен на одном из валунов в знаменитом скоплении петроглифов Саймалыташ I в Кыргызстане (рис. 3: 3).

Тамга Т3

Это была в дальнейшем тамга алхонов, представленная, в частности, на монетах Хингилы, Джавухи и Мехамы (рис. 4: 2—4). Простой вариант ее изображения (без портрета правителя и т.п.) известен в столице Чача — на городище Канка в Ташкентском оазисе (рис. 4: 6); гравирован он и на парадной серебряной посуде (рис. 4: 7). Однако самый ранний образец такой сарматской тамги представлен на обломке мраморной плиты, происходящей, видимо, из Ольвии (рис. 4: 1). Один такой знак (он изображен, по сравнению с хуна, вверх ногами, что вполне допускалось у ранних кочевников) гравирован на участке 2 под лестницей во дворике храма Байте III у западного обрыва-чинка плато Устюрт (рис. 4: 5). Этот поврежденный землетрясением храм продолжал использоваться в I—III вв. и находился вне зоны контроля «южных» хуна. Здесь, на караванной дороге через Устюрт, господствуют сарматские тамги, но есть и знаки Хорезма (в т.ч. царские), кушанские и кангюйские (Яценко и др. 2019: 67—81). Этот нишан видим также на рубеже IV—V вв. на печати царя Албании Асвагена и, видимо, других правителей этой страны (Гаджиев 2003: 105—107, рис. 1—2).

Тамга Т4

Она известна на дополнительных эфталитских штемпелях на сасанидских монетах (рис. 5: 2) и (в «перевернутом» виде) на одной из «сасанидских» гемм (рис. 5: 3). Впервые такой знак мы видим на груди антропоморфного скифо-сарматского надгробия с городища Кермен-Кыр в Центральном Крыму (рис. 5: 1). Верхняя половина этой тамги была помещена в своеобразный прямогольный «киот» (без нижней части), прочерченный тонкой линией. Точно в такой же «киот» была помещена тамга, близкая типу Т 5, на одном из все еще не опубликованных фрагментов плит, найденных в 1993 г. в Танаисе.

Тамга Т5

Представлена на эфталитском штемпеле на сасанидских монетах (рис. 6: 1). Однако до того она гравирована на мраморном льве № 1 из кургана у Ольвии, в нижней части его хребта (рис. 6: 2—3). Близкий знак представлен на серебряной упряжи в уже упомянутом склепе № 169 середины II — сердины III вв. в могильнике Нейзац (рис. 6: 4—5).

Тамга Т6

Эта тамга эфталитского круга изображалась на монетах династии Асбара, чеканившихся, по мнению А.И. Наймарка, с начала V в. в Бухаре (см., например, Наймарк 1995: 31, 37) (рис. 7: 4). Ранние прототипы этого знака во II-III вв. известны на трех женских «брачных» зеркалах-подвесках из разных участков меото-сарматского грунтового некрополя Кобяково у устья Дона (рис. 7: 1—2), а один из них — в подбое 3 I—II вв. в восточном некрополе Неаполя Скифского (Яценко 2018: 224—226, 230—234) (рис. 7: 3).

Тамга Т7

Этот знак позже известен на монетах хуна-незак (рис. 8: 5). Однако ранее он несколько раз представлен у сарматов. Дважды он вырезан рядом на голове скульптуры льва № 2 из-под Ольвии (рис. 8: 1—2), а также гравирован на одной из сторон свинцового «жетона» (видимо — амулета) с городища Ольвии (рис. 8: 4). Он также дважды изображен на разных плоскостях плиты из Танаиса в музее Новочеркасска (рис. 8: 3).

Приведенных примеров достаточно, чтобы у нас возникло несколько вопросов. Каковы закономерности размещения таких тамг на территории Европейской Сарматии? Что означает единственная серия точных аналогов знакам среднеазиатских и индостанских хуна, известная именно у более ранних западных групп сарматов I—III вв. н.э.? Как и в чем эти наблюдения меняют наши представления о соотношении сарматских группировок и будущих хуна?

Еще один специфический памятник, в котором мы видим граффити с тамгами трех типов из нашей серии — *каменный храм Байте III* на западном краю плато Устюрт, построенный примерно в IV в. до н.э., после замлетрясения вскоре полузаброшенный и частично обновленный в I—III вв. н.э. (именно в это время здесь появилось множество тамг). Два знака алхонов Т2 (№ 250) и гуннов-незак Т7 (№ 195) встречены в противоположном входу отсеке крестовидного дворика, у разных углов его стены (участок 3, где, наряду с большинством сарматских, есть знаки Хорезма, в т.ч. самый популярный царский БІ). Второй раз тамга Т7 нанесена уже снаружи храма, слева от входа, среди серии сарматских. Еще один знак алхонов Т3 высечен на важном участке 2 у лестницы во дворике (Яценко и др. 2019: 62-81, рис. 3; 6: №№ 182, 195, 250; 298—306, рис. 1). Интерпретировать графитти с этого места отдыха древних караванов из разных стран не всегда легко, но, видимо, это уже *граффити подданных хуна — торговцев из Бактрии или Согда*, ставивших знак своего правителя при молитвах в святилище (как это делали ранее купцы из Хорезма).

Выводы

Выявленная нами картина исключает случайные совпадения. Нетрудно заметить, что в Сарматии есть *всего три небольших зоны находок* будущих царских тамг хуна, и в каждой из них они встречены неоднократно — Центральный и Юго-Западный Крым, район Ольвии и у устья Дона. Они встречены как на портативаных артефактах, так и на стене склепа, в скоплениях на каменных плитах и скульптурах. При этом важно, что в Пантикапее — столице Боспора (откуда происходит множество сарматских тамг всех периодов на различных типах объектов) таких находок нет; нет их и на Азиатской стороне Боспора (Фанагория, Горгиппия и др.). В этом государстве они представлены лишь в самом отдаленном и изолированном районе в глубине сарматской Степи — Танаисе и его ближней округе. В случае, когда известна более узкая дата объектов, *они относятся к началу позднесарматской эпохи* (столетие с середины II до середины III вв. н.э.)[11]. В скоплениях тамг наши знаки не только редки, но и в случаях использования имеют малый размер и находятся на периферии общей композиции (то есть они не входили в число

[11] Исключение — вариант тамги Т6 в одной из могил I—II вв. в восточном некрополе Неаполя Скифского (рис. 7: 3). К середине III в. н.э. все поселения, с которых в Сарматии происходят тамги изучаемой серии (Ольвия, Танаис, Неаполь Скифский, Кобяково, Кермен-Кыр), погибли в результате предвижений готов и их союзников.

инициаторов важных акций); они отсутствуют на вещах в могилах «царского» и «княжеского» рангов. Так что перед нами, конечно — кланы не рядовых скотоводов, но и не представители высшей знати; однако у азиатских гуннов эти эмблемы вскоре стали царскими (княжескими). Они гравированы на изделиях, связанных как с женской субкультурой («брачные» зеркала-подвески, жетон-амулет), так и, вероятно, с мужской (надгробие, скопления тамг из античных сооружений). При этом далее в использовании таких знаков в кочевом мире следует (до появления в европейской Степи и на юге Средней Азии гуннов) *лакуна около 120 лет, когда они у сарматов не документируются*. Не менее важно то, что здесь представлены знаки *разных* (всех четырех) будущих среднеазиатско-индостанских группировок хуна. При этом во многих самых известных и крупных скоплениях знаков («писаная плита» 1871 г. и вход склепа 1872 г. из Пантикапея; стела из Кривого Рога, пещеры на Ак-Кае, большая серия плит из Танаиса в Новочеркасске и музее «Танаис» др.[12]) они отсутствуют, но неоднократно встречены на обоих скульптурных мраморных лежащих львах (последние найдены в одном кургане у Ольвии в начале XIX в., и самые поздние знаки на них относятся к первой половине IV в. н.э.: Яценко 2001: 62: прим. 4) а также на единственной (!) из многочисленных подобных плит Танаиса[13]. На востоке ареала (у устья Дона) отмечены только знаки эфталитов (Т6) и гуннов-незак (Т7), которые известны и в более западных пунктах; уникальных (единственных) находок той или иной формы тамги здесь нет. Это говорит о низовьях Дона как о менее значимом в плане изучаемых тамг регионе. Типы «гуннских» тамг (кроме Т1 и Т5) чаще выявлены только / также на портативных изделиях; в районе Ольвии (Т3, Т5, Т7) они чаще гравированы на каменных плитах или скульптурах из построек. Это наблюдение делает практически невероятным нанесение таких знаков путешественниками издалека. Как раз в основном районе концентрации будущих царских эмблем «иранских гуннов» (вокруг низовий Днепра) Птолемей (Geogr. III, 5, 10), видимо — в связи с экспансией племен позднесарматской культуры, локализует племя Chuni[14].

В нашем случае *исключительно сарматские ранние аналогии* царским тамгам хуна Трансоксианы и Северо-Западного Индостана заставляют внимательнее присмотреться к различным разрозненным свидетельствам IV—V вв. *о роли групп «аланов» на востоке*. Таких любопытных сообщения у нас, как минимум, три. *Во-первых*, это уже приведенная (прим. 5) информация из «Шофанбэйчэн» (31) о том, что единственое владение в Средней Азии где воцарились с середины IV в. именно *потомки хунну* — это бывшая страна аланов (Аланьляо) в низовьях Сырдарьи; при новых господах она стала именоваться Сутэ. То, что хунну стали контролировать именно и только давнюю (с I в. н.э.) территорию аланов в Средней Азии (и лишь очень малую часть Западного Туркестана), само по себе интересно и важно. *Во-вторых*, это смущающее современных ученых сообщение такого прекрасно информированного и близкого императру автора, как Аммиан Марцеллин, о том, что в последней четверти IV в. (после вторжения гуннов и в Среднюю Азию и в Европу) аланы (их историк хорошо отличает от европейских гуннов и среднеазиатских хионитов) живут далеко на востоке группами на огромных пространствах вплоть до верховьев реки Ганг в Индии (то есть как раз на территории, занятой «иранскими гуннами» (Res Gestae, XXXI, 2, 12). *В-третьих*, согласно «Сяньтаншу» (221), в период владычества этих номадов такой важный город, как Бухара в Согде, назывался Аланьми/(阿濫密, и сам этот термин стал титулом правителей из самаркандского правящего клана в ряде мелких княжеств у устья Заравшана (Яценко и др. 2020: 66)[15]. Все это — сообщения официальных или близких к высшей власти надежных источников, и о них вновь стоит подумать.

[12] Последняя коллекция из 16 фрагментов плит с тамгами, найденная в Танаисе в 1993—1994 гг., до сих пор не опубликована (Яценко 2001: 73, прим. 10), хотя мне отчасти доступна.

[13] Музей истории донского казачества в Новочеркасске, № II-205 (Яценко 2001: 74, рис. 23а).

[14] Никаких археологических признаков формирования в это время некой новой культуры «на основе монгольских хунну» в Центральном Крыму и низовьях Днепра за почти полтора века интенсивных раскопок обнаружено не было. Они были заселены группами восточноиранских сарматов и поздних скифов.

[15] Отдельная интересная тема — наличие на самом раннем монетном чекане Бухары (основанном на подражании греко-бактрийскому Евтидему) одной и той же тамги, близкий образец которой нанесен на одно из бывших

Литература

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. 2023. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама». *Археология Казахстана* 2, 131—147.

Богданов Е.С. 2017. Происхождение тамг хунну. *НАВ* 16/2, 5—32.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете хунно-гуннскихсвязей. *ПАВ* 3, 73—88.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы урало-казахстанских степей*. Челябинск: Рифей.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии. В: Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. (ред.). *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века)*. Москва: Наука, 66—74.

Воронятов С.В. 2013. Центральная Азия и Северное Причерноморье: параллели предметов с тамгами. *НАВ* 13, 48—59.

Воронятов С.В. 2018. Знаки-тамги на китайских лакированных чашечках из собрания Государственного Эрмитажа. In: 2018 International Conference DONG-ACORE. Busan: [s.n.], 17—44.

Гаджиев М.С. 2003. Гемма-печать царя Албании Асвагена. *ВДИ* 1, 102—119.

Давыдова А.В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. 1. *Иволгинское городище*. Санкт-Петербург: Фонд «АзиатИКА».

Давыдова А.В. Миняев С.С. 2003. *Комплекс археологических памятников у с. Дурены*. Санкт-Петербург: Фонд «АзиатИКА».

Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.

Крапивина В.В. 2004. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии. В: Зинько В.Н. (ред.). *БЧ* V. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 205—208.

Кюнер Н.В. 1961. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. Москва: Восточная литература.

Наймарк А.И. 1995. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде. *Нумизматика Центральной Азии* 1, 29—50.

Подушкин А.Н. 2012. К этнической истории государства Кангюй II в. до н.э. — I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе). *Stratum plus* 4, 31—53.

Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.

Торбат Ц., Батсух Д, Баянхуу Н. 2012. Хуннугийн археологийн тамгууд Люаньди овгийн тамга болох нь. *Studia archaeological Instituti archaeologici Academiae scientiarum Mongolicae* XXXII / 9, 136—161.

Эрдэнэ-Очир и др. 2021: Эрдэнэ-Очир Н., Цэвэндордж Д., Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2021. *Ноён уулын дурсгалын археологийн шинэ судалгаа*. Уланбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2018. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. *Stratum plus* 6, 217—242.

Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I—IV вв. н.э. *Stratum plus* 4, 235—256.

Яценко и др. 2019: Яценко С.А., Смагулов Е.А., Рогожинский А.Е., Табалдиев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г.Б. 2019. *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ (на русск. и англ. яз.).

Яценко и др. 2020: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. 2020. *Археология и история Кангюйского государства*. Шымкент: Әлем.

Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6, 277—311.

Alarm M.A. 2016. Das Antlitz des Fremden. Die Münzprägung der Hunnen und Westturken in Zentralasien und Indien. Wien: Kunsthistoricshen Museum16.

Bakker H. 2020. Huns in the Central and South Asia: a Timeline. In: Balogh D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, XV—XVIII.

Balogh D. (ed.). 2020. *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History.* Groningen: Barkhuis.

боспорских надгробий (ср.: Драчук 1975: табл. IX: № 653), а зеркально отраженный идентичный знак представлен среди других сарматских на рухнувшем своде храма в Байте III (Яценко и др. 2019: 82, рис. 6: № 76). На эту тему А.И. Наймарком подготовлена статья «Alans and Euthydemus". Но это другая и более ранняя история, а свидетельств связи ее именно с аланами не имеется.

Batbold N. 2011. Rock Art of the Xiongnu. In: Tsevendorj E., Saruulbuyan J. (eds.) *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the Fisrst Nomadic Empire in Mongolia*. Ulabaatar: G. Eregzen, 96—101.

beastcoins.com: 1: Beast Coins. URL: https://www.beastcoins.com (дата обращения 12.04.2024).

Ching Chao-jung, Galambos I., 2020. Chinese Sources. In: Balogh D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, 2—112.

cngcoins.com: 1: CNG. Classical Numismatic Group, LLC. URL: https://www.cngcoins.com (дата обращения 12.04.2024).

coinindia.com: 1: CoinIndia. URL: https://coinindia.com (дата обращения 12.04.2024).

Cribb J. 2010. The Kidarites. The Numismatic Evidence. In: Alarm M., Klimburg-Salter D., Inaba V., Pfisterer M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 91—146.

en.numista.com: 1: Nunismata. URL: https://en.numista.com (дата обращения 12.04.2024).

etsy.com: 1: The “Sasanian” seal. URL: https://www.etsy.com/dk-en/listing/1060255937/sasanian-carnelian-agate-stone-stamp (дата обращения 12.04.2024).

Enoki K. 1969—1970. On the Date of Kidarites (1-2). *The Memoirs of the Toyo Bunko* 27—28, 1—26, 13—38.

Errington E. 2010. Differences in the Patterns of Kidarite and Alkhon Coin Distribution at Begram and Kashmir Smast. In: Alarm M., Klimburg-Salter D., Inaba V., Pfisterer M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 147—168.

Evans Pim J., Yatsenko S.A., Perrin O.T. (eds.). 2010. *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books.

Göbl R. 1967. *Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Vol. I—IV. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Ilyasov J.Ya. 2003. On a Number of Central Asian Tamgas 1. *Silk Road Art and Archaeology* IX, 131—157.

Kurbanov A. 2010. The Hephthalites: Archaeological and Historical Analysis. PhD Thesis. Berlin: Free University.

Litvinsky B.I. (ed.). 1996. *History of Civilization of Central Asia*. Vol. III. *The Crossroads of civilizations, A.D. 250 to 750*. Paris: UNESCO (Multiple history [8]).

mongolija.upese.lt: 1: Tips and facts for travelers to Western Mongolia. URL: http://mongolija.upese.lt /index.php/en/the-river-tsagan-gol (дата обращения 12.04.2024).

Nowgorodowa E. 1980. Alte Kunst der Monglei. Leipzig: E.A. Seeman Verl.

zeno.ru: 1: ZENO.RU - Oriental Coins Database. URL: https://www.zeno.ru (дата обращения 12.04.2024).

References

Astaf’yev, A.E., Bogdanov, E.S. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2, 131—147 (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2017. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16/2, 5—32 (in Russian).

Bokovenko, H.A., Zasetskaya, I.P. 1993. In *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 3, 73—88 (in Russian).

Botalov, S.G., Gutsalov, S.Yu. 2000. *Gunno-sarmaty uralo-kazakhstanskikh stepey (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: Rifey (in Russian).

Vaynberg, B.I., Novgorodova, E.A. 1976. In: Gafurov, B.G., Litvinskiy, B.A. (eds.). *Istoriya i kul’tura narodov Sredney Azii (drevnost’ i sredniye veka) (History and culture of the peoples of Central Asia (antiquity and the Middle Ages))*. Moscow: Nauka, 66—74 (in Russian).

Voronyatov, S.V. 2013. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 13, 48—59.

Воронятов С.В. 2018. Знаки-тамги на китайских лакированных чашечках из собрания Государственного Эрмитажа. In: 2018 International Conference DONG-ACORE. Busan: [s.n.], 17—44.

Gadjiev, M.S. 2003. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 102—119 (in Russian).

Davydova, A.V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks (Ivolginskiy archaeological complex)*. Vol. 1. *Ivolginskoye gorodishche (Ivolginskoe settlement)*. Saint Peterburg: Fond “AziatIKA” (in Russain).

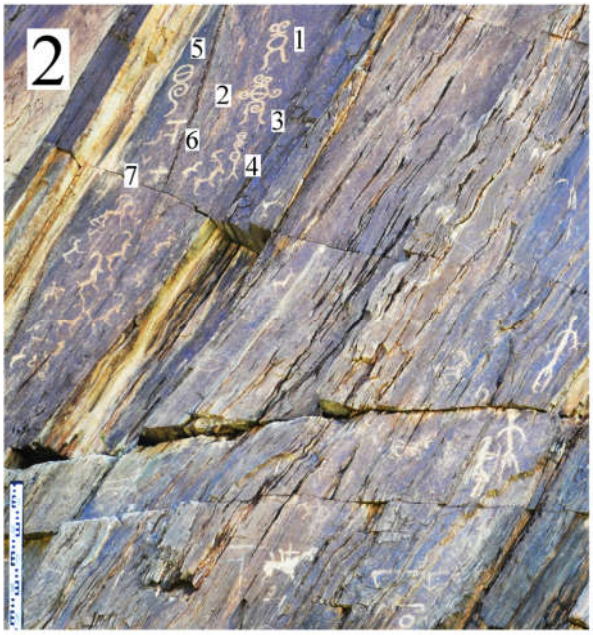
Davydova, A.V. Minyaev, S.S. 2003. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u s. Dureny (Complex of archaeological monuments near the Dureny village)*. Saint Peterburg: Fond “AziatIKA” (in Russain).

Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor’ya. Tamgoobraznye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Systems of signs of the Northern Black Sea region. Tamga-shaped signs of the North Pontic periphery of the ancient world in the first centuries of our era)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Krapivina, V.V. 2004. In: Zinko, V.N. (ed.). *Bosporskiye chteniya (Bosporan Readings)* V. *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’ya. Etnicheskiye protsessy (Cimmerian Bosporus, Pontus and the barbarian world during antiquity and the Middle Ages. Ethnic processes)*. Kerch: TSAI BF “Demetra”, 205—208 (in Russian).

Kyuner, N.V. 1961. *Kitayskiye izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral’noy Azii i Dal’nego Vostoka (Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Naymark, A.I. 1995. In *Numizmatika Tsentral'noy Azii (Numismatics of Central Asia)* 1, 29—50 (in Russian).
Podushkin, A.N. 2012. In *Stratum plus* 4, 31—53 (in Russian).
Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: AN USSR (in Russian).
Torbat, Ts., Batsukh, D, Bayankhuu, N. 2012. In *Studia archaeological Instituti archaeologici Academiae scientiarum Mongolicae* XXXII / 9, 136—161 (in Mongolian).
Erdene-Ochir et al. 2021: Erdene-Ochir, N., Tsevendordj, D., Polosimak, N.V., Bogdanov, E.S. 2021. *Noyon uulyn dursgalyn arkhyeologiin shine sudalgaa (A new archaeological study of the mountain monument)*. Ulanbaatar: Soyombo Printing KhKhK (in Mongolian).
Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2018. In *Stratum plus* 6, 217—242 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2019. In *Stratum plus* 4, 235—256 (in Russian).
Yatsenko et al. 2019: Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, J.Ya., Babayarov, G.B. 2019. *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: IICAS (in Russian and English).
Yatsenko et al. 2020: Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoyev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskii, A.Ye., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2020. *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva (Archeology and history of the Kangju state)*. Shymkent: Elem (in Russian).
Yatsenko, S.A., Shevchenko, E.B., Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus* 6, 277—311 (in Russian).
Alarm, M.A. 2016. Das Antlitz des Fremden. Die Münzprägung der Hunnen und Westturken in Zentralasien und Indien. Wien: Kunsthistoricshen Museum16.
Bakker, H. 2020. Huns in the Central and South Asia: a Timeline. In: Balogh, D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, XV—XVIII.
Balogh, D. (ed.). 2020. *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History.* Groningen: Barkhuis.
Batbold, N. 2011. Rock Art of the Xiongnu. In: Tsevendorj, E., Saruulbuyan, J. (eds.) *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the Fisrst Nomadic Empire in Mongolia*. Ulabaatar: G. Eregzen, 96—101.
beastcoins.com: 1: Beast Coins. Available at: https://www.beastcoins.com (accessed 12.04.2024).
Ching Chao-jung, Galambos, I., 2020. Chinese Sources. In: Balogh, D. (ed.). *Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, 2—112.
cngcoins.com: 1: CNG. Classical Numismatic Group, LLC. Available at: https://www.cngcoins.com (accessed 12.04.2024).
coinindia.com: 1: CoinIndia. Available at: https://coinindia.com (accessed 12.04.2024).
Cribb, J. 2010. The Kidarites. The Numismatic Evidence. In: Alarm, M., Klimburg-Salter, D., Inaba, V., Pfisterer, M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 91—146.
en.numista.com: 1: Nunismata. Available at: https://en.numista.com (accessed 12.04.2024).
Enoki, K. 1969—1970. On the Date of Kidarites (1-2). *The Memoirs of the Toyo Bunko* 27—28, 1—26, 13—38.
Errington, E. 2010. Differences in the Patterns of Kidarite and Alkhon Coin Distribution at Begram and Kashmir Smast. In: Alarm, M., Klimburg-Salter, D., Inaba, V., Pfisterer, M. (eds.). *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien: Österrechische Akademie der Wissenschaften, 147—168.
etsy.com: 1: The "Sasanian" seal. Available at: https://www.etsy.com/dk-en/listing/1060255937/sasanian-carnelian-agate-stone-stamp (accessed 12.04.2024).
Evans Pim, J., Yatsenko, S.A., Perrin, O.T. (eds.). 2010. *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books.
Göbl, R. 1967. *Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Vol. I—IV. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
Ilyasov, J.Ya. 2003. On a Number of Central Asian Tamgas 1. *Silk Road Art and Archaeology* IX, 131—157.
Kurbanov, A. 2010. The Hephthalites: Archaeological and Historical Analysis. PhD Thesis. Berlin: Free University.
Litvinsky, B.I. (ed.). 1996. *History of Civilization of Central Asia*. Vol. III. The Crossroads of civilizations, A.D. 250 to 750. Paris: UNESCO (Multiple history [8]).
mongolija.upese.lt: 1: Tips and facts for travelers to Western Mongolia. Available at: http://mongolija.upese.lt /index.php/en/the-river-tsagan-gol (accessed 12.04.2024).
Nowgorodowa, E. 1980. *Alte Kunst der Monglei*. Leipzig: E.A. Seeman Verl.
zeno.ru: 1: ZENO.RU - Oriental Coins Database. Available at: https://www.zeno.ru (accessed 12.04.2024).

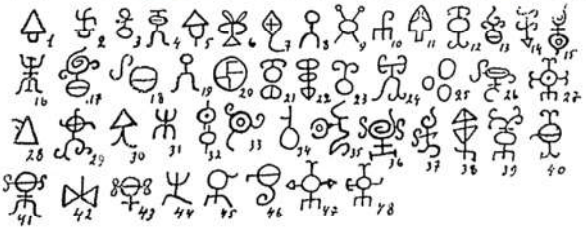

2
1
2
3
4
5
6
7

1

4
1
2
3
4
5
6

II
3

1
2
0 10
3
4
5


6

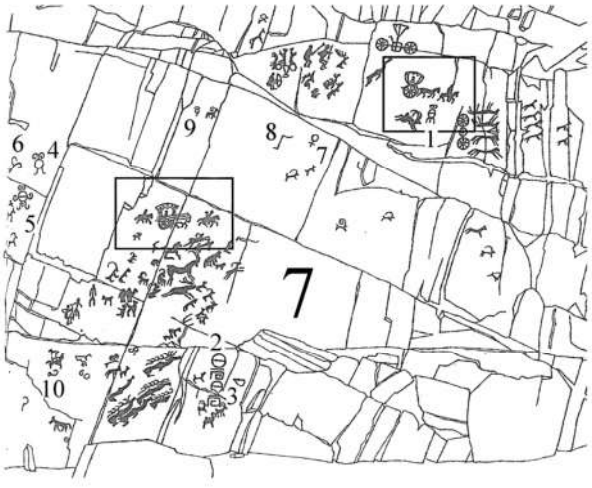

7
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Рис. 1. Скопления тамг хунну в Юго-Западной Монголии: *1* — каньон р. Цаган-гол, Гоби-Алтайский аймак (по mongolija.upese.lt: 1); *2* — Яман ус, Ховдский аймак, фото А.А. Тишкина; *3—6* — Цаган-гол, различные участки (по Nowgorodowa 1980; Вайнберг, Новгородова 1976: рис. 5); *6* — сводка тамг Цаган-гола по Ц. Доржсурэну (по Торбат, Батсух, Баянхуу 2012: зур. 13); *7* — Яман ус (по Batbold 2011: 97).

Fig. 1. Tamgas Accumulations of Xiongnu in the South-Western Mongolia: *1* — canyon of Tsagaan Gol River, Gobi-Altai Aimag (after mongolija.upese.lt: 1); *2* — Yamaan us, Khovd Aimag, photo by A.A. Tishkin; *3—6* — Tsagaan Gol, various sites (after Nowgorodowa 1980; Wainberg, Novgorodova 1976: fig. 5); *6* — summary of tamgas inTsagaan Gol by Ts. Dorjsuren (after Torbat, Batsukh, Bayankhuu 2012: zur. 13); *7* — Yamaan us (after Batbold 2011: 97).

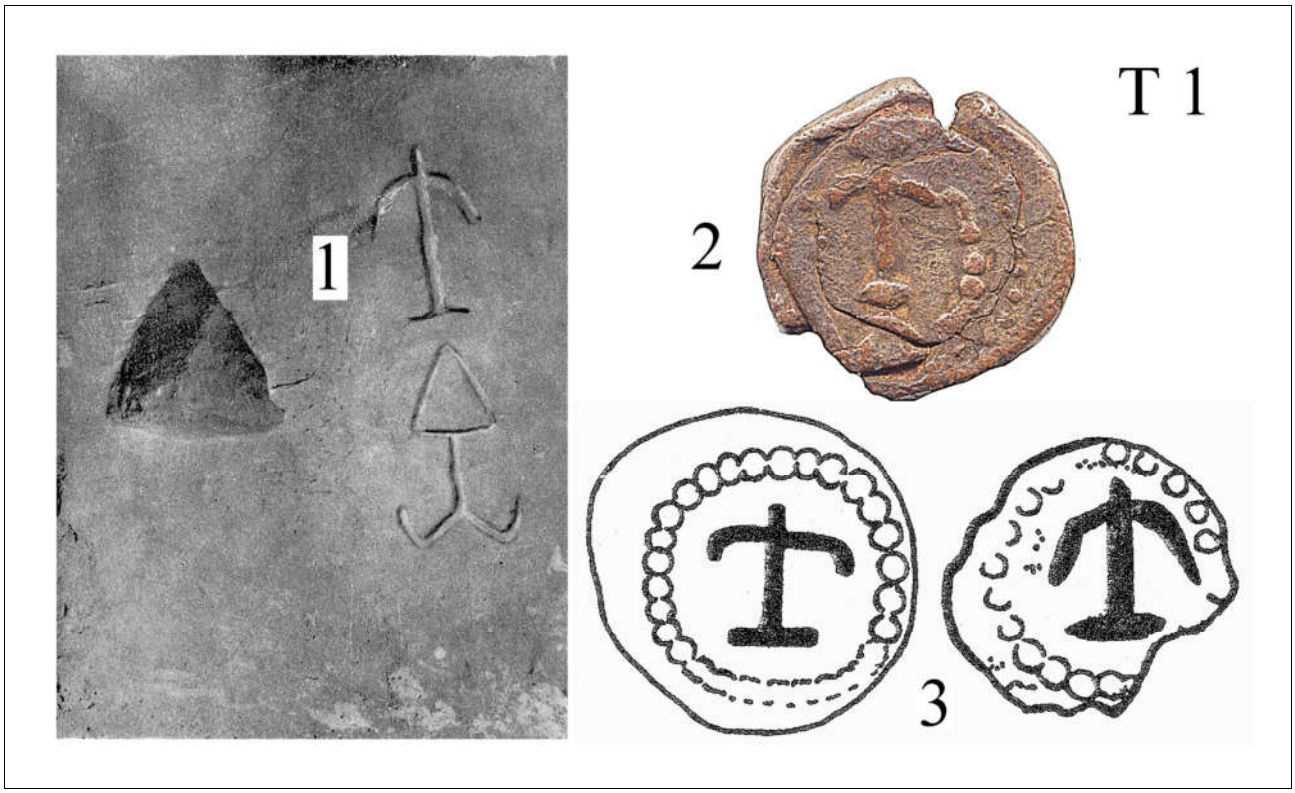


Рис. 2. Тамга кидаритов и ее прототип: *1* — Нейзац, стенка склепа 169 (по Соломоник 1959: № 34); *2* — монета Кота Кулы, Пенджаб (по en.numista.com: 1: No. pieces50014); *3* — монеты правителей Термеза (Бактрия) (по Яценко и др. 2019: 325, рис. 5: 3).

Fig. 2. Tamga of Kidarites and its Prototype: *1* — Neizats, the wall of the crypt 169 (after Solomonik 1959: No. 34); *2* — coin of Kota Kula, Punjab (after en.numista.com: 1: No. pieces50014); *3* — coins of the rulers of Termez (Bactria) (after Yatsenko et al. 2019: 325, fig. 5: 3).

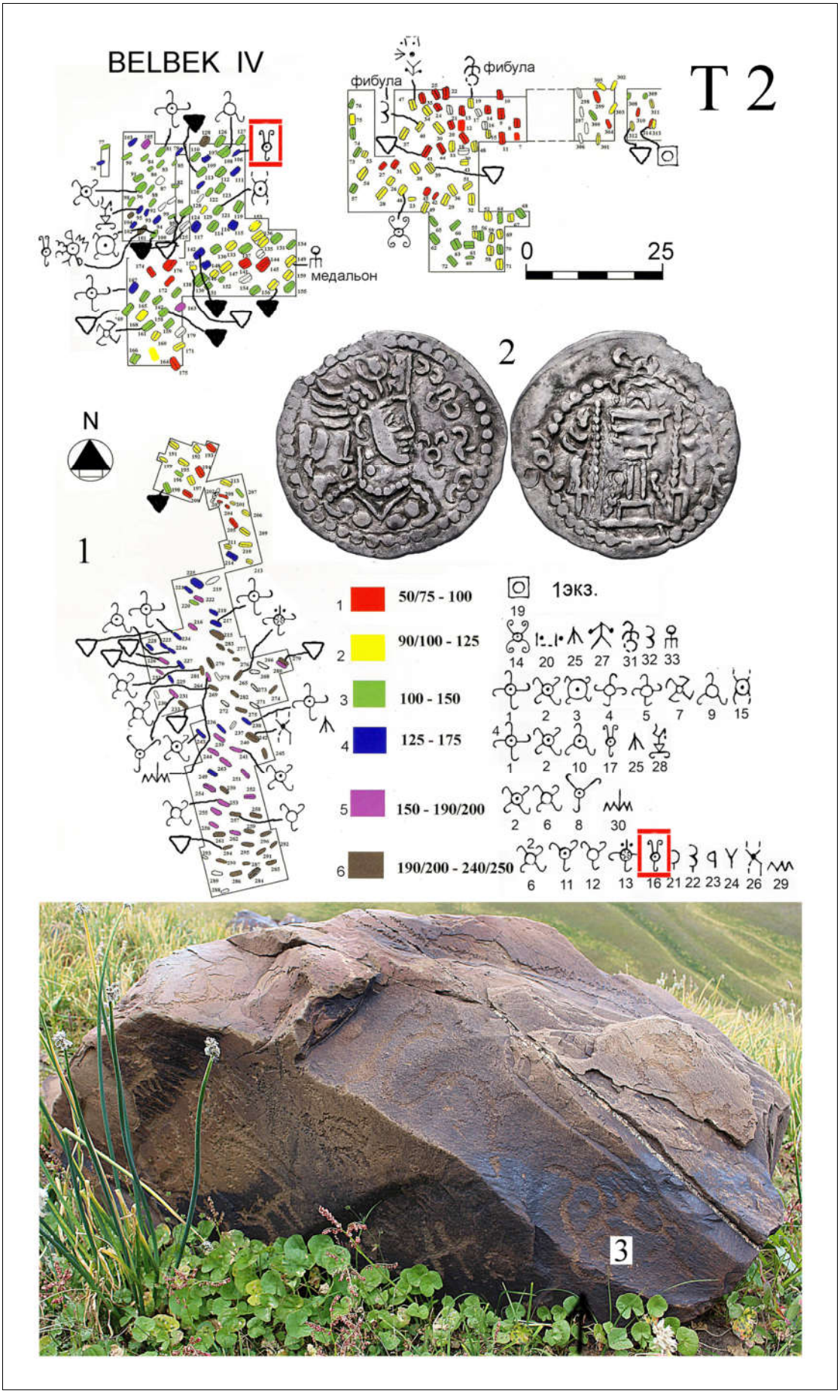

BELBEK IV
Т 2
фибула
фибула
0
25
медальон
2
N
1
1 50/75 - 100
2 90/100 - 125
3 100 - 150
4 125 - 175
5 150 - 190/200
6 190/200 - 240/250
1экз.
19
14 20 25 27 31 32 33
1 2 3 4 5 7 9 15
4
1 2 10 17 25 28
2 6 8 30
2
6 11 12 13 16 21 22 23 24 26 29
3

Рис. 3. Тамга правителей алхонов и эфталитов и ее прототип: *1* — Бельбек IV (Крым), могила 106, брачное зеркало-подвеска, 200—250 гг. н.э. (основа: Яценко 2018: рис. 1); *2* — монета Тобазани (по en.numista.com: 1: pieces191139); *3* — Саймальташ I (фото А.Т. Сулаймановой).

Fig. 3. Tamga of the rulers of Alchons and Ephthalites and its Prototype: *1* — Belbek IV (Crimea), grave 106, marriage mirror pendant, 200-250 CE (base on: Yatsenko 2018: Fig. 1); *2* — Tobazani coin (after en.numista.com: 1: pieces191139); *3* — Saimalytash I (photo by A.T. Sulaimanova).

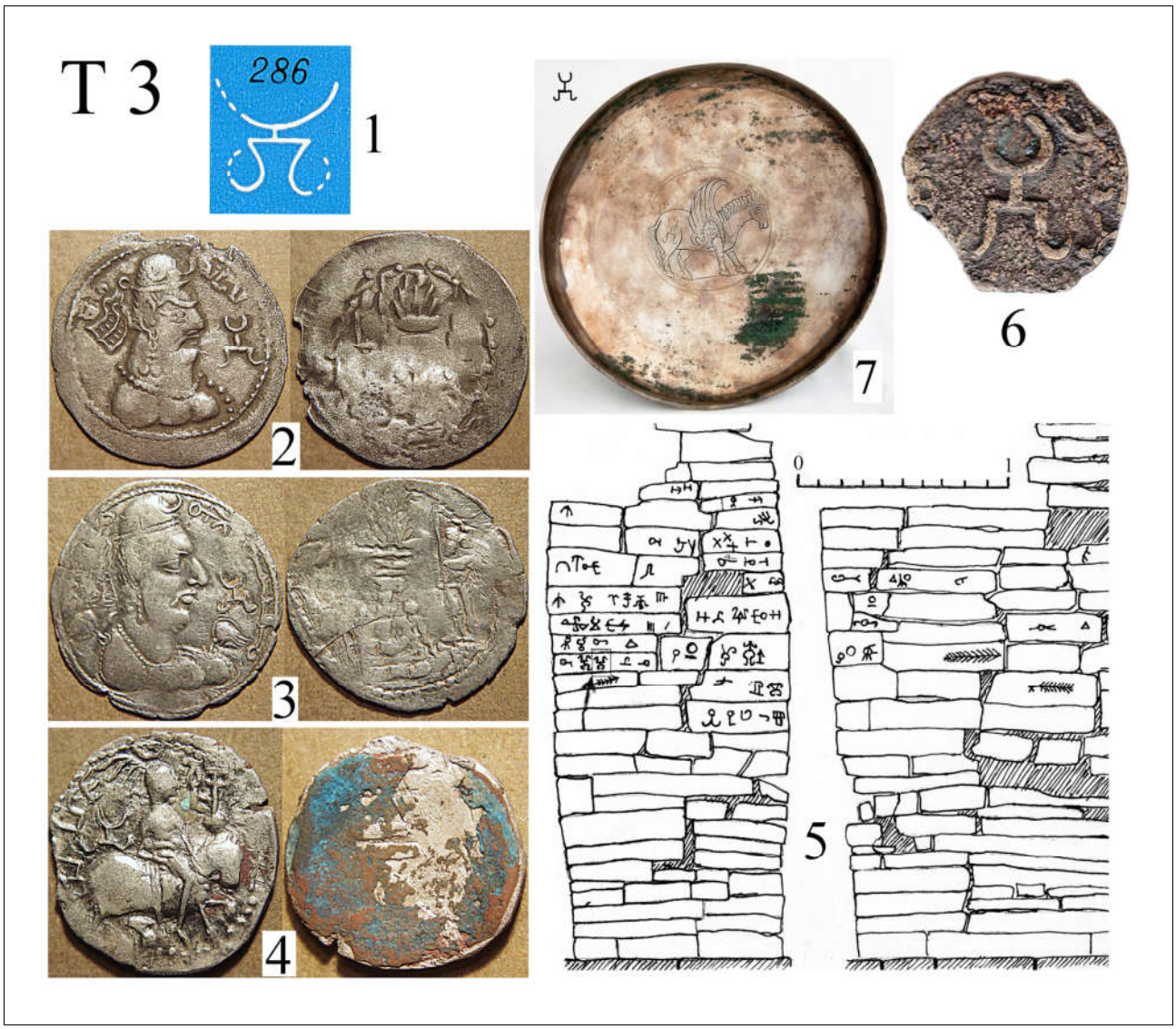


Рис. 4. Тамга правителей алхонов и ее прототип: *1* — фрагмент мраморной плиты, Ольвия?, Одесский университет (по Драчук 1975: табл. V: 286); *2* — Мехама (по coinindia.com: 1: No. H074v-665.51); *3* — Хингила (coinindia.com: 1: No. H061-607.2); *4* — Джавуха (по coinindia.com: 1: No. H117-513.07); *5* — святилище Байте III, скопление 2 (по Яценко и др. 2019: 70, рис. 3); *6* — городище Канка / Харашкет (фото Дж.Я. Ильясова); *7* — чаша из Фонда Марджани (по Яценко и др. 2019: 318, рис. 4: 7).

Fig. 4. Tamga of the Alchon rulers and its Prototype: *1* — fragment of a marble slab, Olvia?, Odessa University (after Drachuk 1975: pl. V: 286); *2* — Mechama (after coinindia.com: 1: No. H074v-665.51); *3* — Khingila (coinindia.com: 1: No. H061-607.2); *4* — Javukha (after coinindia.com: 1: No. H117-513.07); *5* — Bayte III sanctuary, cluster 2 (after Yatsenko et al. 2019: 70, fig. 3); *6* — Kanka Hillfort / Kharashket (photo by J.Ya. Ilyasov); *7* — a bowl from Marjani Foundation (after Yatsenko et al. 2019: 318, fig. 4: 7).

Рис. 5. Тамга эфталитов и ее прототип: *1* — позднескифское надгробие I—II вв., Кермен-Кыр (по Соломоник 1959: № 22); *2* — эфталитские штемпели на драхме в стиле Пероза (beastcoins.com: 1: Z7406); *3* — «сасанидская» печать (по etsy.com: 1).

Fig. 5. Hephthalite Tamga and its Prototype: *1* — Late Scythian tombstone of the 1st — 2nd cc. CE, Kermen-Kyr (after Solomonik 1959: No. 22); *2* — Ephthalite stamps on the drachma in the Peroz style (beastcoins.com: 1: Z7406); *3* — the “Sasanian” seal (after etsy.com: 1).

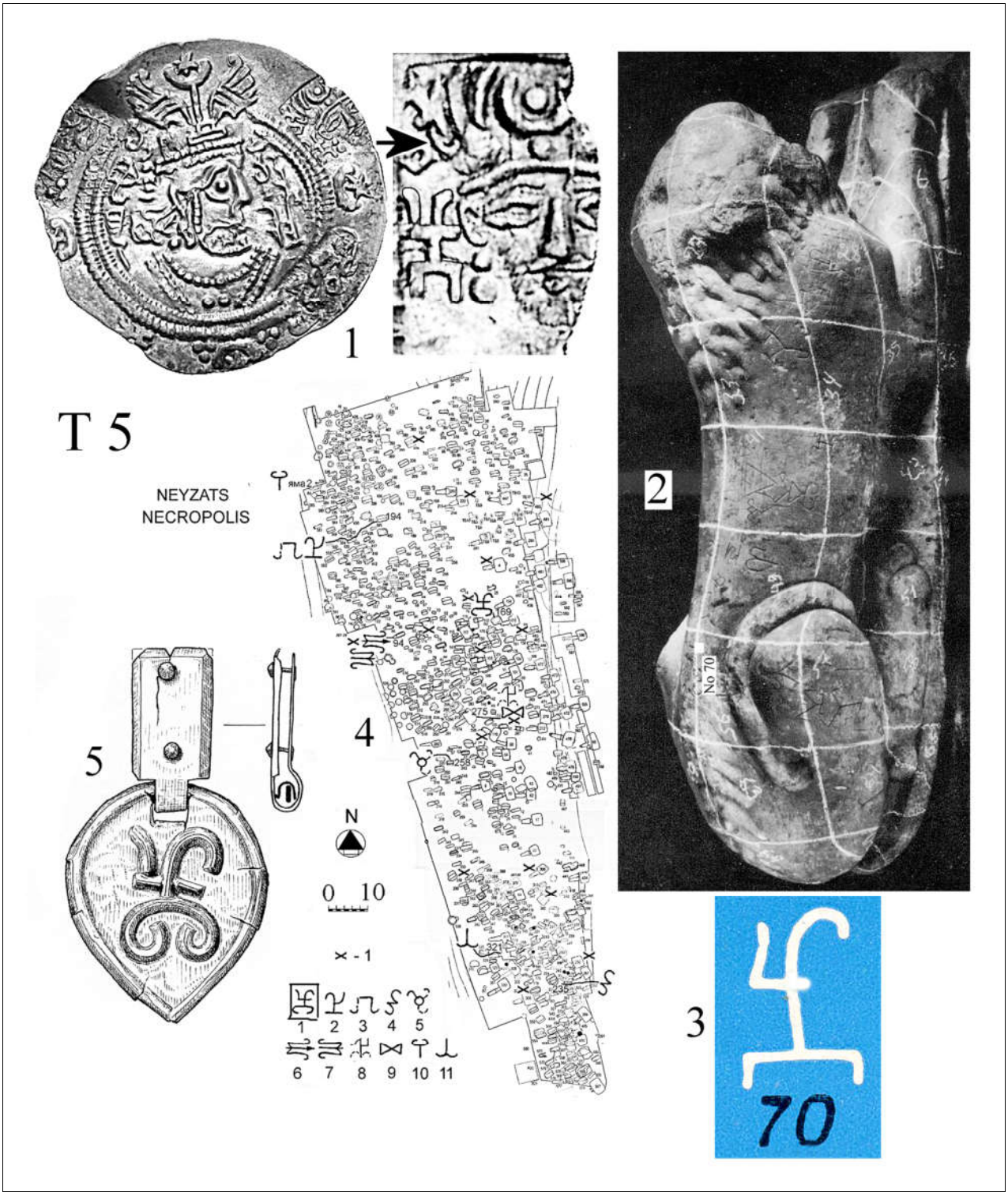


Рис. 6. Тамга эфталитов, ее прототип и аналогии: *1* — сасанидская драхма с эфталитским штемпелем (по cngcoins.com: 1: №. 198172); *2—3* — мраморный лев № 1 из кургана у Ольвии (по Драчук 1975: табл. XLIII—XLIV); *4* — план некрополя Нейзац, Крым (основа: Яценко 2018: рис. 11); *5* — деталь конской упряжи. Нейзац, могила 169 (основа: Яценко 2018: рис. 12: 1).

Fig. 6. The Hephthalite tamga, its Prototype and Analogies: *1* — the Sassanian drachma with the Hephthalite stamp (after cngcoins.com: 1: No. 198172); *2—3* — marble lion No. 1 from the barrow near Olbia (after Drachuk 1975: pls. XLIII—XLIV); *4* — plan of the necropolis of Neizats, Crimea (base on: Yatsenko 2018: fig. 11); *5* — detail of horse harness. Neizats, grave 169 (base on: Yatsenko 2018: fig. 12: 1).

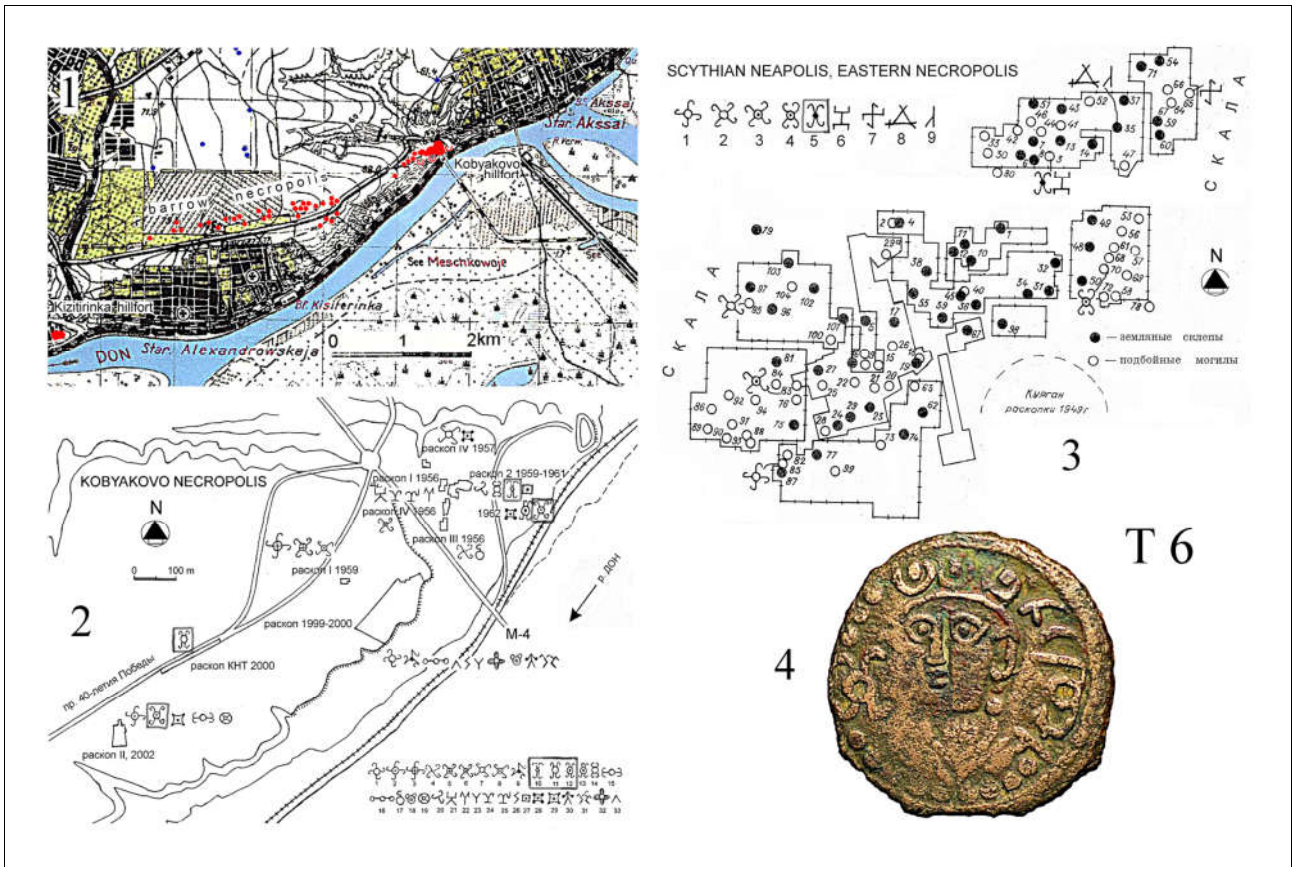


Рис. 7. Тамга бухарской династии Асбара и ее прототип: *1* — план Кобякова городища и некрополя (основа — немецкая карта 1941 г., рис. автора); *2* — находки вариантов тамги на свадебных зеркалах-подвесках, грунтовый некрополь Кобяково (основа: Яценко 2018: рис. 7); *3* — восточный некрополь Неаполя Скифского (основа: Яценко 2018: рис. 4: I); *4* — бухарская монета (по zeno.ru: 1: No. #183397).

Fig. 7. Tamga of the Bukhara Asbar Dynasty and its Prototype: *1* — plan of the Kobyakovo Hillfort and necropolis (based on the German map of 1941, fig. by the author); *2* — finds of tamga variants on wedding pendant mirrors, Kobyakovo ground necropolis (base on: Yatsenko 2018: fig. 7); *3* — The Eastern necropolis of Scythian Neapolis (base on: Yatsenko 2018: fig. 4:I); *4* — Bukhara coin (по zeno.ru: 1: No. #183397).

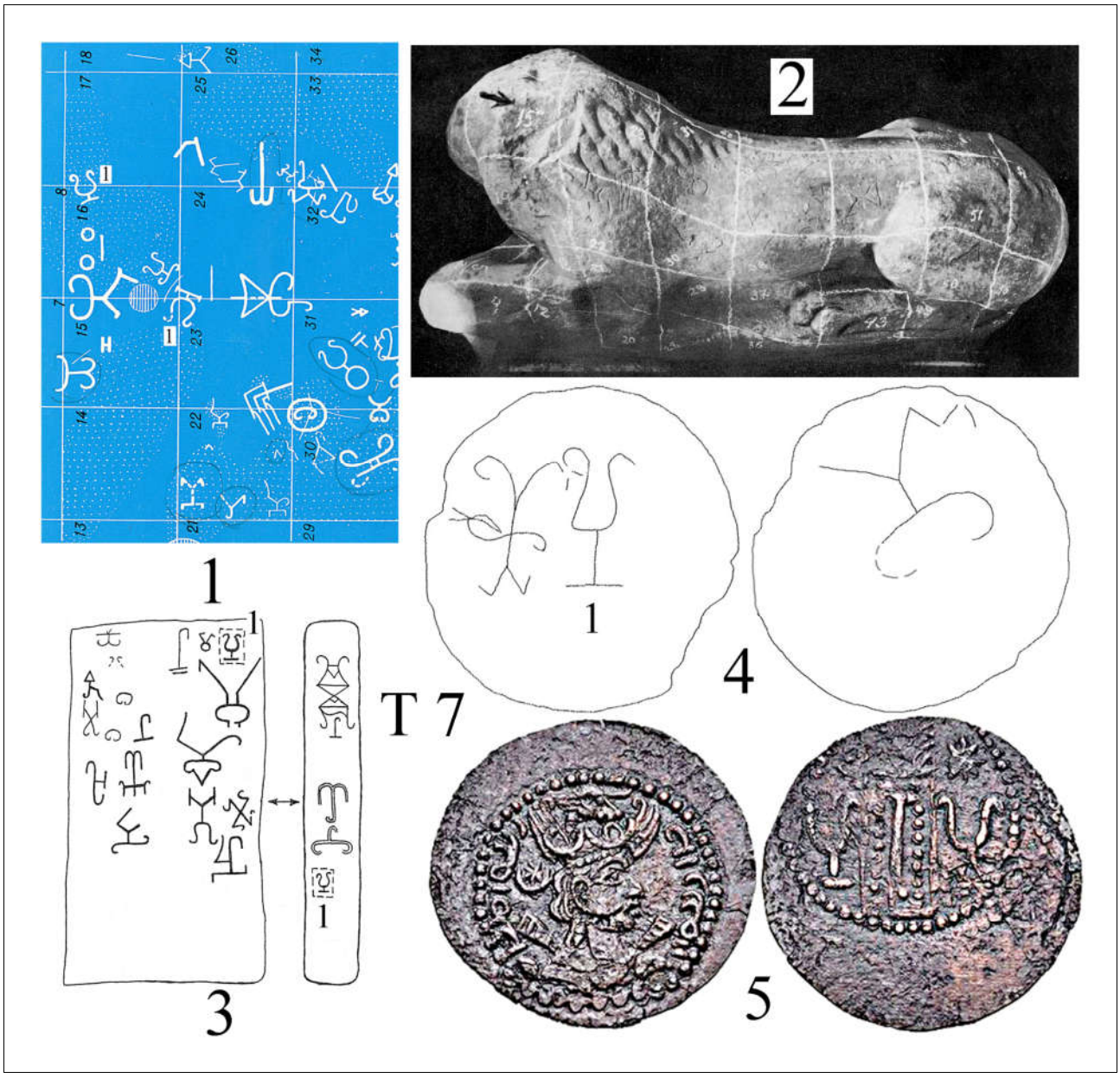


Рис. 8. Тамга незак-хуна и ее прототип: *1—2* — мраморный лев № 2 из кургана у Ольвии (по Драчук 1975: табл. XLIX—L); *3* — плита из Танаиса, Новочеркасский музей (по Яценко 2001: рис. 23а); *4* — свинцовый жетон (амулет) из Ольвии (по Крапивина 2004: рис. 2); *5* — монета незак-гуннов (по cngcoins.com: 1: № 320761).

Fig. 8. Tamga of Nezak Hūṇā and its Prototype: *1-2* — marble lion No. 2 from the barrow near Olbia (after Drachuk 1975: Table XLIX-L); *3* — stone slab from Tanais, Novocherkassk Museum (after Yatsenko 2001: Fig. 23a); *4* — lead token (amulet) from Olbia (after Krapivina 2004: fig. 2); *5* — the coin of the Nezak Hūṇā (after cngcoins.com: 1: No. 320761).

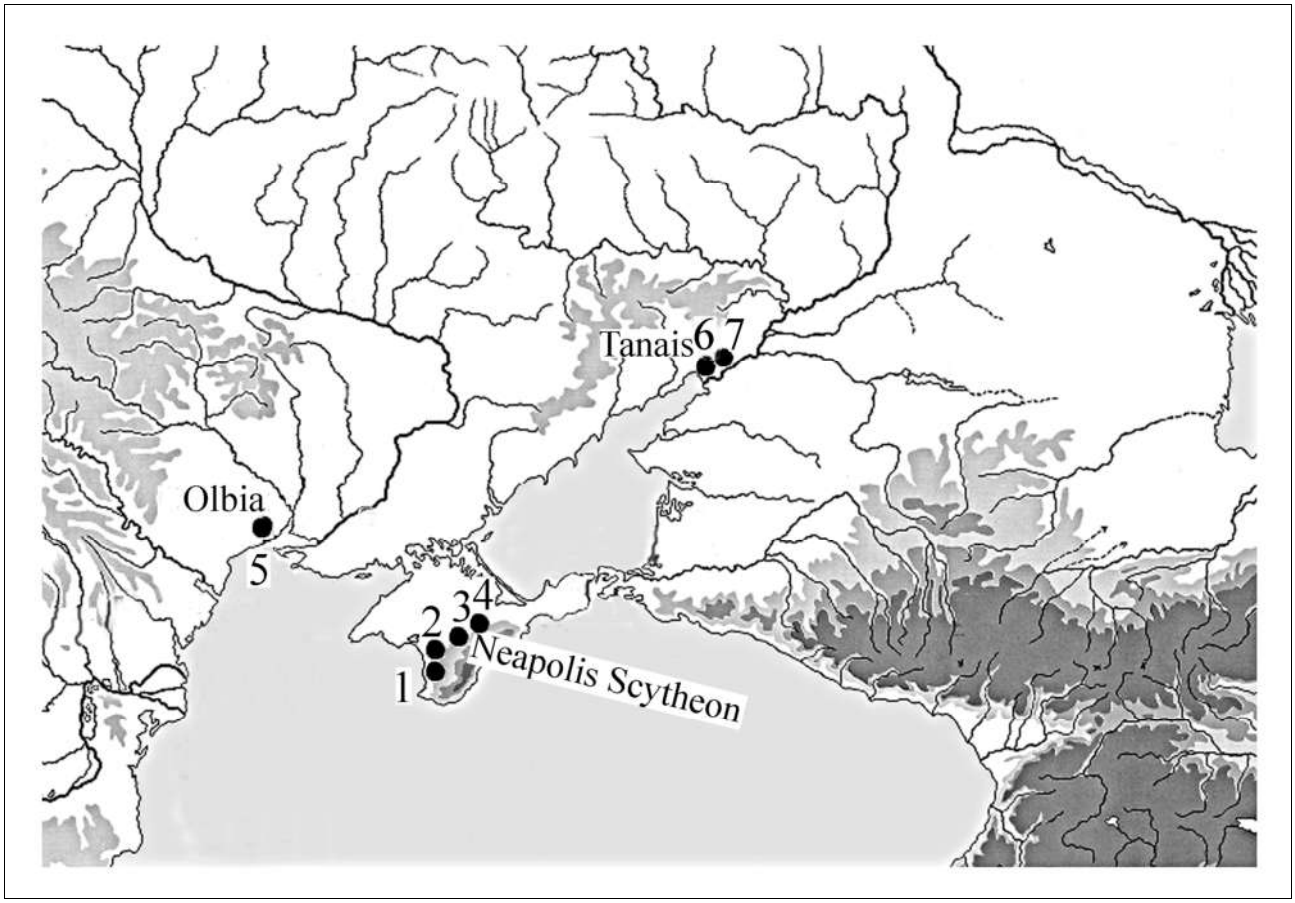


Рис. 9. Распределение тамг, идентичных знакам поздних правителей «иранских гуннов», в Европейской Сарматии I—III вв. н.э.: *1* — Бельбек IV; *2* — Кермен-Кыр; *3* — Неаполь Скифский, восточный некрополь; *4* — Нейзац; *5* — Ольвия и ближайшая округа; *6* — Танаис; *7* — Кобяково (рисунок автора).

Fig. 9. Distribution of Tamgas, Identical to the Signs of the Late "Iranian Huns" Rulers, in European Sarmatia of the 1st — 3rd cc. CE: *1* — Belbek IV; *2* — Kermen-Kyr; *3* — Scythian Neapolis, eastern necropolis; *4* — Neizats; *5* — Olbia and the nearest district; *6* — Tanais; *7* — Kobyakovo (drawing by the author).